Пешка и королева

Кир Луковкин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Город — на грани революции. Повстанцами командует загадочная Королева. Марку нет до этого дела — найти бы работу, да прокормиться. Но в одно прекрасное утро все изменилось…

- Кир Луковкин
  - ○

Кир Луковкин
Пешка и королева

(рассказ)

Патрульный дирижабль, словно грозовая сизая туча, завис над деловым центром города. Башня одного из небоскребов грозила вспороть ему брюхо, если бы он опустился еще на пару сотен метров ниже. На металлически блестящем в вечернем небе боку аэростата красовалась аббревиатура «ОКО-17», слабо мерцающие лучи прожекторов беспорядочно шарили по улицам в поисках нарушителей. Когда свет от такого прожектора скользит по тебе, кажется, будто ты мелкая рыбешка, прижавшаяся ко дну реки, а над головой сачок, готовый выловить тебя из воды в любой момент.

Нет, зимой небо не такое черное, как самой поздней осенью, рассеянно размышлял Марк, натягивая джинсы. Зимой свет, исходящий от снега отражается в небе, и оно мерцает лиловым. Зимой красиво. А наглая осень затягивается дольше положенного.

В связи с усилившимися беспорядками власти установили комендантский час — с десяти вечера до семи утра. Но революционеры все равно совершали диверсии, несмотря на «многочисленные аресты и вооруженные стычки», как сообщалось в новостях. Революционеры уже не могли остановиться, и никто не мог их остановить. Особенно по ночам.

До десяти вечера оставалось еще четыре часа — уйма времени. Марк проверил, заряжен ли пистолет, проверил боек, магазин, курок. В порядке. Убедившись в этом, он засунул оружие за пояс, аккуратно заправился, чтобы его не заметили копы. Засунул руку во внутренний карман куртки — деньги никуда не исчезли, но каждым днем их становилось все меньше, а приличную работу он так и не нашел. За это стыдно — перед Викой.

— Я за хлебом, — сказал он тени в квадрате пыльного света, уже из заставленного ящиками, темного коридора. Ответа нет. Тень не шевельнулась. В такт музыке световое пятно на полу перемигивалось сиреневым и розовым. Скорей бы у нее кончились каникулы…

Он спустился по узкой лестнице на площадку перед лифтом, нажал кнопку вызова. В квартире N314 опять захлебывался от

плача грудной ребенок и орала молодая женщина, послышались звонкие шлепки, после чего крик превратился в истошный вой.

— Идиотка, — тихо произнес он, покусывая нижнюю губу. Хорошо бы донести. Но копы проверяют в первую очередь самого доносящего, а это весьма опасно. Наконец лифт подъехал, и Марк с облегчением вошел. Когда-нибудь, думал он, звоня в воображаемую дверь, давая воображаемую пощечину этой…. Когда-нибудь. Нет, никогда. Стоит ей сделать один звонок, и того «нигера» с чердака живо увезут фургоном в Центр. Она может, она ведь белая — 1 категории.

На улице дул пронизывающий ветер и моросила ледяная крупа: типичная простудная погода ноября. Но тротуары кишели людьми, спешащими куда-то по делам. Марку нравилось ловить чужой взгляд, но на него никто не смотрел. Он зашел в супермаркет, взял стандартный белковый обед, набор столовой посуды и какую-то минералку. Денег хватило. И тут решил порадовать Вику — купил ей банан. Настоящий банан, не какой-нибудь синтезированный суррогат. В магазине находились еще двое таких же черных, как и он. Покупатели выбирали между чипсами и попкорном. Один был невероятно толстым, а второй жутко обросшим, и они вызвали у Марка отвращение. У Марка почему-то отвращение вызывали все представители его расы. Он понимал, что это аномалия, так же как и цвет зрачков, но ничего не мог с собой поделать.

Выйдя на улицу, он протопал два перекрестка и тут увидел на противоположной стороне улицы магазинчик игрушек «Соник», единственное, что имело цвет и объем на фоне серо-плоского полотна дома. Фасад был разукрашен в веселенькие желтые и зеленые тона, с витрин на прохожих приветливо поглядывали медведи, зайцы, тигры и прочая фауна. «Только одним глазком», — пообещал себе Марк. Он перешел через улицу, потянул дверь на себя. Колокольчик над входом уютно тренькнул. Помещение отапливалось, и волны тепла окутали Марка. Несколько минут он млел у порога, разглядывая стеллажи, набитые игрушками для разных возрастных категорий, для мальчиков и девочек. На специальных столах были выставлены железные дороги и конструкторы. Одна из игрушек шевельнулась, ею оказался седой с залысиной мужичок, который внимательно разглядывал Марка поверх очков. Короткие жилистые руки он положил перед собой на прилавок, будто для сравнения.

— Чем обязан? — негромко и дружелюбно произнес он.

Марк потупился. Смущение охватывало его всякий раз, когда белый обращался к нему лично.

— Ищете что-то конкретное? — спросил мужичок, —

Подарок?

— Да, — выдохнул он, и кровь отхлынула от головы.

— Для сына или для дочери?

Марк едко усмехнулся про себя: Вика по определению не могла быть его дочкой. И все же произнес:

— Девочке.

— Как погляжу, для вас это очень важно. Есть отличные варианты, — продавец повел рукой вдоль полок. — Выбирайте.

Марк растерянно водил взглядом по пестрым толпам игрушек, лихорадочно пытаясь припомнить, что нравится Вике.

— Есть заводные, с моторчиками, пластмассовые, из ткани, большие и маленькие. Девочка любит зверей или ей нравится играть с куклами?

— Куклы. Она любит играть с человечками.

— Прекрасно! — продавец оживился, — Имеются наборы кукольных домиков всех видов и на любую цену, с косметикой, с нарядами, столовыми приборами… Вы первый, кто заглянул за весь день. Клиентов у меня почти не осталось — развел он руками, — современные дети любят играть не с реальными, а все больше с виртуальными человечками.

— Это так, — кивнул Марк.

— Ваша тоже? — понимающе дернул бровями мужичок.

— Да. Она очень любит одну виртуальную 3-D игру, которая называется «Шах и мат». Нет-нет, — поспешил возразить он, — это не шахматы.

— А что это?

— Долго объяснять…

— А я никуда не тороплюсь.

Марк отважился посмотреть в глаза продавцу.

— Ну, в общем, суть игры в том, чтобы, управляя набором персонажей, одержать победу над командой таких же персонажей противника. В команду набираются солдаты и специалисты, которых называют так же, как и фигуры в шахматах. Ну там, ферзь, тура и так далее. Каждый специалист обладает своим умением, которое незаменимо в определенной ситуации. Я не очень разбираюсь в подробностях, но играть можно как с компьютером, так и в мультиплеере с реальными противниками.

— Занятно, — пробормотал мужичок. — С друзьями целые баталии устраивает, да?

— Нет, — пожал плечами Марк. — Ее друзья не любят эту игру. Она все время выигрывает.

Мужичок тактично кивнул и перевел разговор на другую тему.

Через некоторое время Марк смотрел на красиво

запакованную розовую коробку с прозрачной пленкой, через которую просматривалась кукла в ситцевом клетчатом платье. Головку голубоглазого ангела украшала соломенная шляпка. На коробке было написано: «Кукла Марта». Марк перевернул коробку. К игрушке прилагался сачок и пара платьев. На это ушли почти все его деньги. Стараясь об этом не думать, он торопливо зашагал в направлении кафе «Static-X», к одной из немногих забегаловок, куда вход в этом районе разрешался всем без исключения, и цветным тоже. Коробку бережно спрятал за пазуху.

Марк занял столик в конце зала у окна. Кафе было практически припортовым — окна в основном выходили на пристань, где воняло тухлой рыбой. Посмотрел на время — семь тридцать. Незаметно, как бы невзначай, огляделся. Все нормально. Копов и подозрительных личностей поблизости не видно, но именно отсутствие опасности вызывало у него беспокойство. Осторожность настолько въелась в кровь, что даже от присоединения к Информационной сети он отказался. Хотелось спрятаться, остаться невидимым, незаметным. Поднимать ворот куртки и цеплять темные очки на нос, юрко продвигаясь в вечерней толчее.

Марк попробовал разобрать содержание меню, однако занятие это ему быстро надоело. Глаза уставали от букв, чтение утомляло его разум. Больше он любил разглядывать комиксы. Нравилось переводить глаза с одной картинки на другую и вчитываться в пузыри, которые появлялись из губ персонажей. Некоторые моменты книга ни за что бы не передала. Например, объемное «Crack», растянутое желтыми буквами на полрисунка, когда главгерой смачно хряпает доской злодея по темечку. Или «Ooops!». Или «Zzzzzz». Марк даже зажмурился на мгновение от удовольствия, тихонько подув на принесенный заспанной официанткой чай. Вся жизнь — это, в сущности, комикс. Знай, только прыгать успевай с клетки на клетку. И запоминаются в основном красочные моменты — картинки, слепки, зарисовки из прошлого. Сидящий в кафе человек.

Напротив, спросив разрешения, устроился худощавый парень лет двадцати пяти в тертой кожаной куртке с дырами. На груди красовалась эмблема с крыльями и надписью «Air force». Стрижка «ежиком» выдавала в нем «борца», одного из тех, которые с регулярностью метронома взрывают фешенебельные магазины в деловом центре. Парень заказал пиво и безучастно уставился в окно. Смотреть там было особенно не на что: море еле колыхалось, над поверхностью воды кружили целые эскадры оголодавших чаек. Почесывая затылок, сидел одинокий мужик с удочкой. Чуть поодаль, возле контейнеров, устало пихались за

картонную коробку бродяги.

— Урррроды, — выдохнул парень многозначительно и хлебнул из банки.

Прокукарекал сигнал срочных новостей. В визоре возникло лицо диктора. Мужчина встревожено-деловым голосом зачитывал сводку, и народ синхронно повернулся к экранам.

Марк сначала разглядывал диктора, а потом стал прислушиваться, о чем этот малый лопочет.

— …Правительство рассматривает возможные варианты выхода из сложившегося кризиса. Всемирный банк пообещал выделить нашей стране кредит в размере ста миллиардов условных единиц. Приостановлена выдача субсидий населению. Снижены зарплаты государственным служащим. По ряду крупных транснациональных корпораций прошла волна сокращений. Уровень инфляции за месяц возрос на 15,1 процента. Котировки основных валют с подозрительной слаженностью упали на 450 — 500 пунктов. Концерн «Мнемос» объявил о заморозке программы по записи генетического кода умерших в информационный банк. Профсоюзы аэрокомпаний объявили забастовку и не прекратят ее до тех пор, пока их зарплата не будет поднята на 10 процентов. Это повлекло приостановление рейсового сообщения между крупнейшими городами. Ведутся переговоры. Сворачиваются и фундаментальные исследования. Так, запуск мезонного реактора отменен и срок проведения эксперимента до сих пор обсуждается, а старт экспедиции на Венеру по самым оптимистичным прогнозам отложен на будущий год. Объединенные Штаты Двух Америк внесли в Совет Безопасности предложение о введении экономической блокады для стран с тоталитарными режимами, поскольку те отказываются снижать импортные цены на нефть и прочие ГСМ. Президент нашей страны заверил, что ситуация находится под контролем.

Теперь перейдем к парламентским новостям. Вчера Сенатом на основании социально-экономического анализа системой Молох-001 был принят в третьем чтении законопроект, ограничивающий количество детей в так называемых традиционных семьях 2 и 3 категорий. По мнению экспертов, это стало адекватным ответом на демографический коллапс во всех крупных городах, и продиктовано заботой о благополучии рядовых граждан… Изменения не затронут граждан 1 категории. Инициатива уже вызвала бурный шквал отзывов в Кибер- и Интернете…

— Эй! Принес? — быстро спросил парень в образовавшемся вокруг вакууме.

Марк вынул из-за пазухи небольшой бумажный сверток:

— Валюта, — напомнил он. — Версия рабочая. Головой отвечаю.

Парень вытащил пластиковую кредитку. Марк покачал головой («только живыми»), на что клиент скривился, но послушно извлек банкноты. Четкими, отработанными движениями они произвели обмен. Повезло — так можно было просидеть и до закрытия. Всё, теперь надо уносить ноги. Марк дождался, пока парень допьет пиво и расскажет дежурный анекдот. Естественно, они пошли в разные стороны. Марк не поленился прошагать три довольно крупных квартала в обход. Всякое бывает. Все это время он рассеянно думал о Сети, резервациях и террористах. И о том, что приходится зарабатывать на кусок хлеба вот таким полулегальным способом, распространяя пиратское программное обеспечение. Ладно, он всего лишь коммивояжер, он же не клепает эти чертовы программы, в отличие от его приятеля, собутыльника и поставщика в одном флаконе: Джонни Оборотня. Марк однажды спросил его, откуда такое прозвище. Джонни гордо заявил, что при полнолунии стабильно превращается в виртуального вервольфа, который гуляет по Сети и умерщвляет души подключенных.

— Программа, — каждый раз говорил он, нарезая на чип свое очередное добро, — это организм, живое существо. Компьютерные подсистемы и Сеть для нее — ареал обитания, а информация является питательной средой. И насколько жизнеспособным, эффективным, зубастым окажется зверек, зависит от программиста. Сеть давно превратилась во вместилище спонтанно генерируемых программ, которые конкурируют между собой. Сливаются, порождая новые программы, или убивают друг друга. Это целый мир. Со своими законами. Поверь мне, не менее суровыми, чем в реале.

— А какую же роль играют в этом люди? — спросил как-то Марк, на что Джо ухмылялся и обстоятельно объяснял:

— Люди играют для информационного мира Сети такую же роль, какую для нас играет неживая природа, вроде камней или воды. Мы — всего лишь фундамент для таких систем, как Оракул. Мы — его клетки. И при помощи процедуры «адаптирования» он осуществляет над нами контроль, говорит, что нужно делать, определяет стратегию развития, направляет нашу деятельность. Он использует нас так же, как мы используем собственное тело для питания, работы, выделения. Взамен он дает счастье, эйфорию существования, умиротворение, покой. В строго очерченной последовательности. Короче, превращается в машину по производству оргазмов. Сечешь, мой черный третьесортный

дружок?

Марк честно пытался понять все это. Но потом сказанное забывалось в рутине дней, до следующего раза, когда он приходил за готовым продуктом или с новым заказом. И тогда песня повторялась заново. Джо был помешан на Сети. И кстати, единственный белый, которого Марк по-настоящему уважал. За прямоту. Менеджер крупной корпорации, днем он ходил в светло-розовой рубашке и серебристом галстуке, обливался одеколоном, мило улыбался бухгалтеру и усердно поддакивал боссу на ковре, а по ночам сбрасывал шкуру, одевал грязно-серый свитер со стоячим воротом, матерился и курил. Настоящий оборотень.

Сутками Джо искал в Сети бреши, ошибки, нестыковки, запуская туда программы-шпионы. Скачивал базы данных. Ломал сайты. Подбирал ключи и коды доступа. В Сеть он лез через интерфейс, напрямую никогда не подключался, хотя был адаптирован бесплатно с самого рождения (привилегия белых, наряду с правом на бесплатную медпомощь). А если возникала острая необходимость, использовал IP-адрес другого человека. Это называлось «маска». На вопрос, зачем прикидываться другим человеком, загадочно обронил:

— Из-за определенных соблазнов, есть опасность там застрять. Если Сеть или то, что в ней, захватит меня, я просто сброшу шкуру и отключусь. И потом, не люблю, когда за мной следят.

Марк прекрасно его понимал. Однажды, будучи десятилетним пацаном, он напихал в пустую стеклянную бутылку земли и засыпал туда кусок муравейника. А потом смотрел, как насекомые в панике мечутся по замкнутому пространству, пытаясь спасти яйца. И сгорал от чувства стыда и отвращения к себе за то, что разрушил их дом. Они не знали, что за ними следят, более того — что находятся в замкнутом пространстве. Временами в голове у Марка происходило некое озарение, как при вспышке молнии, которая на долю секунды выхватывает из мрака все, в мельчайших подробностях. И тогда он задавался вопросом: подконтролен ли Оракул городу и людям или город и люди, живущие в нем, в какой-то момент утратили над ним власть? Картина возникала воистину ужасающая. Но вскоре она забывалась и тускнела на фоне бытовых проблем. Сейчас, после удачно совершенной сделки настал один из таких моментов, Марк вновь представил себе, что тот «борец» сделает с его «товаром». Наверно что-то антиправительственное, учитывая пожелания при заказе. Парень хотел заполучить программу, которая бы запускала процесс отключения от Сети всякий раз, когда абонент собирается сообщить о готовящемся или уже

совершенном преступлении. Учитывая масштабы «роуминга», это парализовало бы работу всего Министерства, ведь оно получало информацию только по сетевым каналам, половину из которой сообщали граждане всех категорий, половину Оракул по результатам мониторинга ОКО-17.

Джо раздумывал над заказом на пару минут дольше обычного. Со скрипом откинулся на спинку кресла, заложил руки за спину, вперил очи в потолок и замер в этой привычной для себя позе. Потом Марк повторил цену, на что Джо усмехнулся:

— Оракула не обманешь.

Казалось, что торчащие на его голове волосы в свете голубых бликов от монитора плавно шевелятся. Живут своей жизнью, как океанические кораллы.

— Но я возьмусь, — добавил он. — Это интересно.

Взялся и сделал. Сделал и продал. Перепродал и сбыл. Получил и… запустил? Марк не знал ответ на этот вопрос. Джо был мастер-виртуоз. К каждой новой работе подходил творчески и с удовольствием, и чем сложнее была задача, тем азартнее он хватался за ее выполнение.

За всеми этими размышлениями как-то незаметно подкрался час Икс. Марк решил поторопиться — хоть копы и дают фору в десять-пятнадцать минут, никто не застрахован от их «правозащитных» действий.

Он уже почти дошел до дома, он уже видел обшарпанный квадрат своей высотки и воронье, кружащее над визионными приёмниками. Нельзя сказать, будто он не слышал криков, он вполне мог повернуть обратно и сделать петлю. Но в таком случае, он потерял бы десять минут и оказался за чертой времени, когда одинокий человек на улице приравнивается к бешеной крысе. Такая диспозиция его никак не устраивала, и Марк решил рискнуть, поторопившись к соседнему перекрестку. Вниз по улице уже бежали вооруженные люди. На каждом была роба с порядковым номером в районе груди, а в руках прыгал автомат. Люди шлепали берцами и фыркали, как стадо бизонов.

— Беги, Эл, беги! Мы прикроем тебя! Ты должен это сделать! Во имя высшего блага! — орали люди несущемуся впереди альбиносу с очень тонкими, правильными чертами лица. Типичный норвежец, подумал Марк. Парень поравнялся с ним, впился взглядом и сказал: «Привет от Королевы!» Затем побежал дальше, перепрыгнув через ограду палисадника. Что-то было во взгляде беглеца такое, от чего Марк опешил. Между ними словно пробежал электрический разряд. Вместо того, чтобы ринуться напрямик, в родную берлогу, он стоял и смотрел, как люди впереди заняли позиции возле мусорных баков и открыли

беспорядочный огонь по подоспевшим фургонам Патруля, из которых повыскакивали спецназовцы со щитами и энергетическими сетями. Марк отступил назад. Дорога к дому была отрезана. Где-то в районе глотки метался тяжелый ком. Вдруг что-то ужалило Марка в затылок, тело скрутило судорогой, и он повалился на мостовую, успев заметить, как дергаются в полутьме повстанцы от таких же снарядов, пущенных патрульными с тыла.

Сознание балансировало на грани забытья и реальности, но упрямо не хотело сваливаться в темную спасительную бездну. Возможно, дозы оказалось недостаточно. Распахнутыми настежь глазами он наблюдал, как повстанцев, словно мешки с картошкой, зашвыривают в фургон. Что-то холодное еле ощутимо коснулось лица и растаяло. Снег. Белые хлопья беззвучно устилали асфальт. А вот и зима, решил Марк, успокоился и все-таки сорвался с края в черноту.

«Наш мир такой, каким мы его себе представляем. То, что происходит на улице, сложно изменить. Поэтому мне нравится путешествовать по Сети. Там можно что-то убрать, если тебе это не нравится. Или добавить. А когда надоест, можно поменять. Здорово, правда?»

«Правда».

«Тихо цветет сакура в это белое утро…»

«Лишившись гнезда, птица весь мир обретет. Жить ради жизни».

Падение в бездну завершилось. Марк открыл глаза. Резкость еще не сфокусировалось, поэтому он не мог различить очертания тени, нависшей прямо над ним. Тень некоторое время покачивалась из стороны в сторону, затем пробасила:

— Ник! Кажись, он мутант.

— С чего ты взял? — рявкнул кто-то позади тени.

— Ты посмотри на его глаза. Один зеленый, другой — голубой. А сам-то черномазый.

Теперь над ним склонилось два темных силуэта, которые постепенно обретали четкость и превращались в бойцов безопасности в полном снаряжении. Вторая тень что-то нечленораздельно крякнула. Внезапно две пары рук сильно дернули его вверх, да так, что голова непроизвольно запрокинулась, и под локти потащили в коридор. Марк отсутствующим взглядом скользил по уплывающим под него рядам плиток, а проходящие мимо бойцы смеялись:

— Похоже, Ник «Инквизитор» сцапал новую жертву!

Это не вызвало в душе репатрианта никаких эмоций.

Полицейские затащили его в камеру, приложили к стене и стали обыскивать. Из карманов было вынуто все, включая подарок Вике и пистолет. Пакет с продуктами, похоже, остался лежать на улице; кому-то крупно повезет. Тщательно выложив остальные вещи на широкий офисный стол, полицейские принялись стаскивать с него одежду. Причем один с аппетитом уплетал купленный банан. Затем, нагого, повели в следующую камеру, поменьше, с прозрачными стенами. Закрыв за ним дверь, пустили дезинфицирующий газ. Вытащили и сунули в руки арестантскую робу. Все это заставило окончательно прийти в себя.

— Примерь-ка новый костюмчик, — посоветовал тот, что заглянул в его глаза первым. Это был невысокий мужик лет сорока, его краснокожее лицо покрывали морщинки, словно он вот-вот засмеется. Рядом с ним стоял долговязый широкоскулый напарник с бледной, в противоположность коллеге, кожей и по-рыбьи бесстрастным взглядом, не выражающим ничего кроме холодной брезгливости. «Чистый», — подумал Марк, — «эталон настоящего гражданина». Выхолощенный, как манекен. Лицо этого человека казалось спокойным, как лицо палача, для которого смерть стала ежедневной рутиной.

Марк неуклюже напяливал робу. Провозился он с ней несколько минут, но полицейских это, казалось, совершенно не смутило. Когда Марк завершил облачение, высокий процедил:

— Отлично. Сэм, — и кивнул напарнику. — Сейчас побеседуем.

Напарник Сэм привычным жестом достал «уздечку» и накинул ее на руки Марку. Началось шествие под конвоем «на беседу». Марк прекрасно понимал, что его ждет, но почему-то это его не беспокоило; больше всего волновала судьба куклы.

Его провели в комнату, выполненную в светлых тонах, одну из стен которой занимало большое зеркало, а другие две — матовые перегородки из толстого стекла. За перегородками время от времени проходили люди, но оттуда не доносилось ни звука. Посреди комнаты стоял стерильно чистый стол, и два стула по обоим концам. Марка усадили на один из стульев. Обстановка почему-то напоминала ему операционную.

Полицейские остались стоять по стойке, заложив руки за спину. Затем в комнату вошел «хирург» — худенький человечек в очках. Человечек предстал перед Марком в форменным костюме Министерства Информационной Безопасности. Стекла очков сверкали от света ламп. Вытащив из портфеля папку, человечек уселся по другую сторону стола. Полицейские позади него не двигались. Чиновник раскрыл папку и сложил руки на коленях — стал читать. Читал он долго, внимательно, изредка переворачивая

страницы. Остановившись где-то в середине, он вздохнул и произнес слабым голосом:

— Он что, немой?

— Нет, сэр! — с энтузиазмом гаркнул Сэм.

— Тогда пусть изложит все, что ему известно о людях, с которыми был задержан.

— Арестованный Марк Свенссон! Рассказывайте, что вам известно о людях, с которыми вы были задержаны, — как попугай повторил Сэм. Служебное рвение прямо-таки фонтанировало из него.

Марк неуверенно откашлялся. Осторожно посмотрел на чиновника — тот уткнулся в папку с таким видом, словно подследственного не существовало. По правде сказать, для граждан 1 категории их и на самом деле не существовало: они считали 3 категорию грязью, но при этом держались в рамках приличий.

— Я просто мимо проходил, — начал он, причем не столько ради того, чтобы поделиться информацией, а чтоб услышать собственный, сильно охрипший голос.

— Дальше, — сказал долговязый.

— Ну, я шел домой… и… я особенно не выбирал маршрут. В общем, я попал туда совершенно случайно. Я…это самое… Ну, в общем, я не совершал ничего такого. Ну, вы понимаете. Ничего противозаконного.

Чиновник ухмыльнулся. Сняв очки, он с зажмуренными веками стал декламировать:

— Марк Свенссон, 26 лет, гражданин 3 категории, срок гражданства истекает через два дня, образование среднее, без постоянного места работы, холост, детей не имеется, не адаптирован, состояние здоровья нормальное, уровень интеллекта чуть ниже среднего, сообщает, что якобы не совершал ничего противозаконного. А как он объяснит наличие в своих вещах запрещенного к обороту микрочипа концерна «Ти-Лэкс», при помощи которого можно взломать системы защиты Сети и вывести из зоны покрытия сотни мирных граждан, ввергнув их в пучину горя? А как он объяснит сведения о данном микрочипе в секретной шифровке повстанцев, обнаруженной в подкорке у одного из их лидеров при помощи гипнодопроса? И, наконец, как он объяснит отсутствие в его крови фермента капсул Счастья?!

Очки равномерно мотались в такт его дребезжащей речи, при этом он обращался не к Марку, а к офицеру-рыбине.

— Как?! — риторически вопрошал он, вскидывая ощипанные брови.

Марк сглотнул. Звук получился неожиданно громкий.

— Отказ от сотрудничества с Министерством усугубит вашу вину, а деятельное раскаяние — смягчит. Пусть Марк Свенссон обдумает это тщательнейшим образом, пока у него еще есть время. А пока у него еще есть время, мы зададим ему пару других вопросов. Верно?

— Мы умеем задавать правильные вопросы, — кивнул Рыбина, — такие, на которые хочется ответить.

— Первый вопрос. Существует ли душа?

— Да.

— Ответ неверный. Души не существует. Есть лишь высокоорганизованная материя. Параллельные линии пересекаются?

— Нет.

— Ответ неверный. Параллельные линии пересекаются. Это правда. Это — правда.

Офицер сделал два строевых шага, вытащил электрическую дубинку и пустил ток. На конце дубинки заплясала голубая дуга.

— Существует ли душа?

Марк переводил взгляд с чиновника на офицера полиции и обратно. Мысли тяжко ворочались в его отравленном транквилизаторами мозгу, не имея возможности найти подходящий вариант действий.

— Нет, — наконец сказал он.

Офицер шагнул вперед и ткнул дубинкой в живот Марку. Парня пронзила конвульсия. Офицер секунду подержал дубинку, потом отдернул. При этом ни один мускул не дрогнул на его лице. И только после этого Марк почувствовал ноющую боль.

— Вы ответили на вопрос потому, что хотели избежать неприятных последствий. Это неправильно, — монотонно сказал чиновник, — Вы должны верить в то, что души нет, а параллельные линии пересекаются и не допускать никаких иных вариантов. Я повторю вопрос….

….Через час то, что осталось от Марка — тело истерзанного человека в бессознательном состоянии, унесли в камеру предварительного задержания и оставили до следующего допроса. Боль он перестал чувствовать уже после получаса истязаний, она настолько переполняла его существо, что воспринималась как данность. По-настоящему его мучили судороги, которые вызывал ток. Разряды заставляли тело выгибаться колесом. Нервные окончания и потом судорожно сжимались, вызывая ужасные боли. Еще пару часов после беседы с чиновником из Министерства его сотрясала дрожь. Боль отступала так медленно, что он боялся пошевелиться и вызывать новый ее приток. Ему казалось, еще немного — и легкие откажут,

а глаза лопнут от внутреннего давления.

Вечером он почувствовал себя немного лучше и смог сесть на койке.

«Вот как прекрасен наш мир», — пришло ему в голову. — «Ложь, в которую верят, становится правдой». Марк с наслаждением прислонил затылок к холодной стене камеры и позволил себе расслабиться. Из-под койки выбежал здоровенный таракан, остановился, задумчиво пошевелил усами и торопливо скрылся под парашей. Это было самое значительное событие за весь вечер, если не считать попеременно возникающего и исчезающего шума, исходившего от труб. Те ныли, словно пораженный кариесом мастодонт.

Марк бездумно смотрел в противоположную стену, щупая взглядом каждую выбоину. Воспоминания вламывались в поток мыслей, как нос траулера в толщу льда. Лица, образы, силуэты. Недодуманные мысли, незаконченные поступки, все с приставкой «не». Привет от какой-то королевы. Что за королева? В городе может быть только одна, и то, она не реальней привидения. Бессмыслица…

— Экспедитором? — бесцветным голосом спросил клерк в отделе кадров, бегая глазами по строчкам резюме.

— Ну да, — сказал Марк.

— Срок действия вашего паспорта истекает через четыре дня, вы в курсе?

— Да.

— Вредные привычки?

— Нет.

— Состояние здоровья?

— Удовлетворительное.

— Притязания к уровню оплаты?

— Я открыт для предложений.

Клерк что-то черкнул карандашом в резюме.

— Хорошо. Вы занесены в нашу базу данных. Как только мы примем решение, сразу же свяжемся с вами. Только вот паспорт…

— Как истечет срок действия, так сразу же и поменяю, — пожал плечами Марк, — по-моему, это не проблема.

— Ну да. В общем, всего наилучшего, — клерк растянул губы в вымученной улыбке.

Марк вышел на улицу, подсчитывая в уме убытки — на проезд, покупку информационной полосы, распечатывание резюме. Это было уже двенадцатое собеседование за последнюю неделю. Осечку в данном случае он понял уже с первых секунд появления в фирме — по лицу того «белого воротничка». Случалось, что он подходил по всем параметрам, и не брали. В

некоторых организациях его готовы были принять, но он всякий раз просил время, чтобы «подумать». Мизерного пособия по безработице совершенно не хватало на пропитание, не говоря уже о плате за комнату, услуг водопровода, отопления и предоставления энергии. Тем более жил он не один.

Вика ничего не умела делать по дому. Между тем, нужно было постоянно следить за чистотой одежды, хоть иногда убираться в комнатах и готовить пищу. Если уж быть честным, Вика вообще мало что умела. Только сидела весь день у компьютера, создавая программы, общаясь с неведомыми друзьями, решала неведомые ему, простому рабочему парню с окраины задачи. Хрупкая девочка с невыразительными чертами лица и почти прозрачными глазами, в которых отражался этот невзрачный мирок. Слишком серьезная, слишком умная, слишком… не такая, как все. Поэтому Марк не мог позволить себе роскошь наподобие круглосуточной сменной работы с дежурствами по три-четыре дня. Нужно было что-то, недалеко от дома, чтобы после работы не задерживаться, чтобы зарплату платили вовремя. Марк понимал, что это из разряда утопий. Но продолжал с какой-то звериной упорностью рассылать свои резюме в конторы по соседству, зная, что никогда его туда не возьмут. Посочувствуют — да. Посоветуют обратиться вот сюда и вон туда — возможно. Не обратят внимания — наиболее вероятно. Пошлют подальше — почти предсказуемо. Но на работу не возьмут. Потому что он — третий сорт.

Марк смотрел на несущиеся по автостраде машины. Машинами управляли люди. Людей контролировал Оракул, над которым курсировало недремлющее ОКО-17 Ап-тауна. Оракул вроде бы отчитывался по итогам финансового года перед Президентом и Сенатом страны, которые в свою очередь и шагу не могут сделать без некоего Молоха — самого главного центра обработки информации. Существует еще объединение каких-то наций. Цепочка тянется вдаль, и конца ее не видно. Марк смутно припоминал лицо главы государства. Ни одного из сенаторов ему увидеть, как-то не довелось. А, собственно, зачем? Жизнь течет своим чередом. Люди работают и отдыхают; отдых сладок, потому что он наступает после изнурительной работы, работа делается потому, что приносит удовлетворение и после нее наступит законный отдых. И таков мировой порядок до конца времен. Ты либо крутишься как белка в этом гигантском колесе, либо вылетаешь из него. А вот запрыгнуть обратно, весьма нелегко. Подстроиться под общий ритм и вписаться в этот сумасшедший танец. Безразлично-чудовищный и в то же время величественно-прекрасный.

Когда-то одна из таких вот машин преподнесла Марку сюрприз, кардинально изменивший его нехитрое житье электромонтера.

Первое видение накрылось вторым. Загородное шоссе, залитое июльским солнцем. Влетевший в дерево «минивэн». Смятый в гармошку от удара капот. Навалившийся на руль человек, весь в крови. Рядом женщина, с проломленным черепом. Руки безжизненно покоятся на коленях. Голова откинута назад, рот открыт в немом крике. Красоту женщины уродует страшная рана. Правая задняя дверь машины распахнута. Вещи в беспорядке раскиданы по сиденью. Сколько он стоял так, в полной тишине, пытаясь осмыслить происходящее? Затем он увидел девчонку, в нескольких десятках метров, под деревом. Девчонка словно проявилась там как изображение на черно-белой фотобумаге давних лет, спокойно сидела и смотрела на машину и на приближающегося к ней с наплечной сумкой негра, который испуганно спросил, цела ли она. Она совершенно ровным голосом говорит, что да, и что ей хочется уйти отсюда. Негр хлопает смешными разноцветными глазами. Вид у него глупый. Он протягивает крупную мозолистую ладонь и говорит: «Пойдем». Она встает, берет его под руку, и оба быстрым шагом удаляются с места аварии в сторону ферм.

Только на следующий день, до того накормив, напоив, спрятав девочку от посторонних глаз, он решится расспросить ее о подробностях происшествия. И убедится в сделанных бессонной ночью выводах: надо валить в город. Обращаться в полицию — безумство. Упекут за решетку, без суда и следствия. Им только повод дай отыграться за свое половое бессилие. Вообще не следовало подходить к машине. Конечно, сейчас поздно причитать. Но его охватило странное чувство, словно он должен был подойти, и словно жизнь и безопасность девчонки его долг, смешно сказать, даже предназначение. Хотя копы придут к выводу о причинении смерти по неосторожности, несчастном случае или популярной ныне версии коллективного самоубийства, они все равно прочешут близлежащие окрестности.

Полагаться на родственников в сложной ситуации глупо. Нужно обращаться только к тем, кто реально может тебе помочь за вознаграждение, или по старой памяти. Предоставит жилище. Сделает свидетельство о регистрации. Внесет изменения в банк данных. Превратит девчонку в сироту, а тебя самого в пожизненного опекуна. У Марка такие знакомые были. А еще у Марка были отложенные деньги, которые он копил, чтобы умотать на историческую родину — Гавайские острова и прожить там тихую жизнь. Поэтому все получилось. И не получилось

одновременно. Прощайте, Гавайи.

Одним из его знакомых был Джо. Марк увидел себя в его комнатушке гостиничного типа. Как в руках у него оказывается запотевшая бутылка темного эля. Ирландский, хвалится Джо. Настоящий. На экране компьютера замерло изображение красивой обнаженной девушки, а на его фоне командная таблица. Черный квадратик закрывает самое интересное место между бедрами. Курсор успокаивающе мигает.

— Работа, — повторяет за ним Джо. — Уже нашел что-нибудь?

— Да. На автомойке.

— И это дерьмо тебе явно не подходит, — догадывается Джо.

Марк кивает. Скрывать нечего.

— Я, как видишь, не босс крупного концерна. Но кое-что могу предложить. Заработок непостоянный, опасный, серый, — Джо выдувает слова медленно, как пузыри.

— Мне нужен посредник. Мне нужны клиенты. Клиентам нужен я. Между мной и клиентами стоит моя 1 категория. Такая беда. Ты согласен?

Марк не раздумывает ни секунды.

Эта же клетушка, но спустя год. К интерьеру добавляется пара кактусов на подоконнике, обнаженная девушка теперь украшает не экран компьютера, а кровать возле стены. Отвернувшись, она спит. Одеяло сползло с бледных лопаток, спина живописно изогнута.

Компьютер шумит, нарезая на чип программу. В пепельнице дымится забытый окурок. В руках у них неизменные бутылки эля. Они старые партнеры, тертые калачи и работают вместе уже сто лет. Оборотень стал настоящей звездой в трущобах Ап-тауна.

…- Сложно сказать, когда именно появился Оракул, — рассуждает Джо, — Вернее, когда Оракул осознал себя. Думаю, это связано со сказками про искусственный интеллект. Вполне вероятно, сказки как раз спровоцировали развитие автономных информационных систем, или появились в результате их же деятельности. В конце концов, если верить в Санта Клауса, рано или поздно на улицах появятся бородатые люди, одетые в красные куртки на белом меху. И люди эти будут разгуливать с мешками подарков за пазухой. Плевать, что они ненастоящие. Дети-то в них верят. А мы — такие же дети. Только повзрослевшие.

Джо пожал плечами (как будто ему приходится объяснять очевидный факт) и флегматично отхлебнул из бутылки. Некоторое время они сидели в полном молчании и смаковали напиток. Марк усердно сковыривал этикетку с горлышка.

— Первоначально, он был секретной разработкой военных, как и Интернет. Если сравнивать всемирную паутину с сеткой нервных окончаний, то Оракул похож на нервный узел, а Молох — на мозг. Кстати, знаешь, кто такой Молох на самом деле?

— Нет, — говорит Марк.

— Молох — это карфагенское божество. Типа Зевса у греков. Древние римляне придумали легенду, по которой жестокие варвары карфагеняне якобы приносили ему в жертву грудных детей. Первый пример информационной войны, кстати. Ну вот. Вначале Оракул выполнял функции Интернет-провайдера, спутниковой связи, вел счета абонентов и диагностику проводов. Затем ему поручили систему электронных выборов и расчет бюджета. Затем Ван Чонг изобретает нейроволокно с адаптером и создает первый эмулятор 3-D реальности. Сразу же появляется первая версия Сети, Кибернет — продвинутый вариант Интернета, по которому отныне можно ходить пешком, как по парку. Инновация распространяется со скоростью чумы и через пяток лет молодежь почти вся подключена к Сети. Приток информации растет, и для ее обработки нужен очень мощный компьютер…

Джо выжидающе смотрит на Марка. Тот улыбается:

— И этим компьютером оказывается Оракул.

— Да. Оракул-17, или ОРЛ-17, операционная мощность которого к тому времени возрастает почти в десять тысяч раз. В других городах аналогичная ситуация. Оракулы напрямую подключаются к Сети и принимают бразды правления, — Джо щелкает пальцем. — Мы вступаем в прекрасный новый мир. Дальше ты знаешь. Экономический бум. Тотальное планирование средств. Высвобождение колоссального количества энергии. Технократия как официальная идеология. И гражданская война за контроль над суперкомпьютером. Правая рука калечит левую.

— Чрезвычайное положение, — продолжает Марк. — Ограничение прав. Деление города на сектора. Введение гражданства по категориям. Глобальное «адаптирование». Комендантский час. Право на насилие.

Джо закрывает глаза и декламирует на память:

— «Поправка 21. Каждый гражданин имеет право защищать свою жизнь, честь, достоинство всеми не запрещенными законом способами. Каждый гражданин имеет право на необходимую оборону. Каждый адаптированный гражданин имеет право на применение насилия, по отношению к другим адаптированным гражданам, вплоть до причинения смерти, если возникнет угроза его жизни и здоровью с их стороны. Каждый гражданин имеет право на причинение смерти по отношению ко всем не

гражданам, если возникнет угроза его жизни и здоровью с их стороны. Правоохранительные органы имеют право на государственное принуждение по отношению ко всем гражданам и не гражданам в любой ситуации».

— Да, — выдыхает Марк. — Слово в слово. Теперь его очередь говорить отрешенным канцелярским тоном:

— «Согласно категориям гражданства, — вещает его голосом кто-то, — город делится на зоны частные и зоны общего пользования с односторонней связью. Это означает, что граждане 1 категории имеют право находиться во всех зонах, кроме резерваций, а граждане других категорий — лишь в той зоне, где им разрешено. Категория гражданина определяется по его паспорту, составленному на уникальной комбинации его генного кода. Не гражданам запрещено деторождение. Поэтому одна из целей Сопротивления — поиск граждан как биоматериала для продолжения рода: обычно выкрадываются женщины. Члены Сопротивления выступают за коммуну и равноправие. Не граждане — мутанты, преступники, религиозные фанатики, лица со смертельными заболеваниями, индивиды с психическими отклонениями. По общему правилу не гражданином считается всякий, у кого отсутствует биометрический паспорт. Люди из Сопротивления называют свою резервацию Страна Свободы. Резервация отгорожена от других зон города высокой стеной с многоуровневой защитой, тщательно охраняется. Не граждане выполняют самые примитивные работы. Граждане 3 категории — обслуживающий персонал. Граждане 2 категории — специалисты на производстве, инженеры сетей и т. п. Граждане 1 категории — технократическая элита, управленцы, финансовые магнаты, сосредоточивающие в руках всю свою власть. Граждане связаны между собой нейро-электронной сетью, что позволяет контролировать их поведение и отслеживать уровень их счастья.»

— Умница, — говорит Джо, изменившимся голосом. Глаза мутнеют. — У меня есть для тебя новость. Слышишь? — Вдруг Джо роняет бутылку, подскакивает к нему и дает звонкую пощечину.

— Слышишь?! — орет он дурным голосом. Комнатка тонет, уходит на дно памяти.

— Для тебя есть новость, уголек! — кричат над ухом Марка. Сильная рука трясет его так, что внутренности булькают. Марк открывает глаза, перед ним знакомый краснокожий офицер Сэм.

— Ага, проснулась спящая красавица! — улыбается он, — Ну-ка, подымайся. С тобой хотят поболтать по душам.

Спустя десять минут помятый, но уже проснувшийся Марк сидел в знакомом зале с прозрачными стенами. Ничего не

изменилось. Он как будто вернулся в прошлое на один день. Все тот же чиновник терзал все ту же папку, к которой добавился переносной компьютер.

— У Министерства к вам деловое предложение, Марк Свенссон. Министерство рассчитывает на вашу личную сознательность и гражданскую позицию. Вы конечно же в курсе, что Сопротивление паразитирует раковой опухолью на теле города. Оно мешает всем гражданам работать и наслаждаться жизнью. Преследует какие-то параноидальные цели. За один только прошлый месяц было совершено пять террористических актов. Эти фанатики будто с ума посходили. Погибло полтораста мирных граждан, и среди них дети, старики, женщины. Дети, Марк. Беззащитные дети. Если вы не думаете о своем благополучии, подумайте хотя бы о них. Неужели вам безразлична судьба ребенка? Вполне возможно, что мы ошибались и вы не причастны ко всем этим ужасным преступлениям против мира и безопасности. Но мы уверенны, что у Марка Свенссона есть необходимая информация. Мы не хотим применять насилие, мы не гестапо. Поэтому предлагаем следующее. Вы сообщаете все, что знаете о Сопротивлении и его боевиках, а мы предоставляем вам в качестве привилегии за заслуги перед городом пожизненное гражданство 1 категории.

Главный козырь выложен. Чиновник переводил дух, украдкой вытирая губы платочком.

Марк съежился. Он знал, что Министерство свое слово сдержит. И он знал, что с ним сотворят в случае отказа от сотрудничества. Вчерашний «урок правды» был всего лишь разминкой перед основным действием. При мысли об этом Марка передернуло.

— Мне нужно только одно, — произнес он.

Чиновник напрягся.

— Отдайте мне куклу.

Чиновник расслабился, на его высушенном лице появилось выражение умиления.

— О чем речь, Марк. Ваши вещи в полной сохранности. Никто к ним не притронется.

Так я и поверил.

— Прямо сейчас, — с нажимом сказал он.

Чиновник секунду поколебался.

— Ну, хорошо, — сделал величественный жест. Сэм скрипнул зубами, но пошел выполнять задание: принес прозрачный мешок с его барахлом, плюхнул в угол. Кукольное тельце застыло в ворохе белья, как мезозойская муха в янтаре. — И не говорите потом, что Министерству безразлична судьба граждан.

— Я скажу все, что знаю.

Чиновник одобрительно сложил ручки на столе. «Сука», — подумал Марк, — «тебя бы прикладом, испытал бы на себе то же, что и мой отец когда-то. И ботинком в зад, и гнать пару километров по урочищам. Не давать оглядываться».

— Я знаю, — начал Марк, — что Сопротивление пытается уничтожить администрацию города и филиал Министерства, отстаивая свои права на свободу передвижения и еще много всяких других прав. Активисты Сопротивления находятся в резервации, куда простые граждане боятся сунуться. Это самые опасные и криминогенные кварталы города. Туда даже полиция не рискует заходить, — Марк позволил себе ухмыльнуться и покосился на Сэма, — А если и суют башку в петлю, так всем взводом, на БТР. Не гражданам запрещено ходить по городу. Поэтому те, кому очень надо, прибегают к уловкам, большинство из которых я не знаю. Насчет байки про блуждающую дыру в западной стене, думаю, вы в курсе. Вот. Наиболее отмороженные революционеры называют себя «борцами». Они ненавидят все, что связано с компьютерами, техникой, Оракулом и его адептами. Сопротивлением руководит некая Королева. Никто ее не видел, но все отзываются о ней с… почтением что ли. Потому что она ценит людей и никогда не пошлет их на смерть, если того не требует более высокий интерес. Она еще ни разу не совершила ошибки. Она бьет по самым уязвимым местам в системе безопасности города. И скажу еще кое-что, господин хороший, — у Марка вдруг появилось опасное чувство вседозволенности, он осмелел, — Мне глубоко накласть на вашего Оракула и на ваше Сопротивление, имел я вас всех туда и сюда. Ваша мышиная возня мне абсолютно до лампочки.

Марк не удержался и показал заученный с детства жест.

— Это все, — добавил он. На душе заметно полегчало.

— Прекрасно, — промурлыкал чиновник. — Однако вы себя недооцениваете. Вы знаете гораздо больше, чем кажется, хоть и не подозреваете об этом. Как известно, возможности человеческого мозга выходят далеко за рамки нашего понимания, но мы научились кое-чему.

Марк почувствовал, как горло пересыхает. Только не это.

— Это называется «адаптированием». К сожалению, у нас нет времени на полноценную процедуру с вживлением датчика и загрузкой базовых программ. Ограничимся министерским гостевым доступом.

Очкарик кивнул копам, и те вышли из комнаты. Прошло несколько минут, и они вкатили в комнату на тележке прибор, ощетинившийся проводами. Рыбина подсоединил устройство к

разъему в стене, а Сэм развернул и включил его. Прибор чем-то смахивал на увеличенную в размерах кофеварку. Действовали копы сноровисто, сразу было видно, что им это приходилось проворачивать не первый раз. Рыбина вытянул два датчика с присосками и прикрепил их к вискам Марка. Сэм нажал кнопочку в кресле, и репатрианта опутала пара обручей. Дышать сразу стало трудней.

— Готово, сэр! — отрапортовал Сэм.

Чиновник кивнул и нажал кнопку на клавиатуре компьютера. Его раздражали ужимки полицейских. Одна из плит в потолке уползла в сторону, из отверстия вынырнуло стальное щупальце. Заканчивалось оно чем-то, похожим на хобот, с двумя отверстиями для глаз и имело подвижную конструкцию. Марк не успел среагировать, и щупальце впилось ему в лицо, присасываясь резиновыми губками к коже. Гибкие пальцы обхватили затылок и сомкнулись на нем мертвой хваткой. Как в старом фильме ужасов.

Марк истошно заорал. И получил заряд и дубинки в плечо.

— Тихо! Сидеть, не дергаться. Больно не будет! — прорычал слева Сэм.

Голову прижали к подголовнику и закрепили в тисках. Взмокший, Марк часто дышал, готовый каждую следующую секунду испытать боль или расстаться с жизнью. У основания черепа возникло и стало нарастать покалывание. Но оно было скорее приятным, нежели болезненным. Кожа в этом месте занемела. Марк пытался пошевелить головой и не мог. Довольно долго ничего не происходило.

— Контакты введены, сэр, — доложил Рыбина. — Есть реакция.

— Отлично. Ну-с, Марк Свенссон, вот и настал момент истины. Сейчас Вы встретитесь с Оракулом. Советую расслабиться.

Послышались шаги уходящих людей, хлопнула дверь. Закованный в сталь, Марк остался один на один с тишиной и непроглядной темнотой. «Вот когда начинаешь верить в Бога», — горько пошутил он про себя. Силы куда-то утекали, тело обмякло. Марк прекратил дергаться.

Точно по центру темноты возникло яркое пятно света. Трудно сказать, когда это произошло. Пятно увеличивалось и пульсировало. Марк закрыл глаза, но оно не исчезло, а превратилось в яркую сферу, сквозь прозрачные стенки которой виднелись сполохи энергии. Марк понял, что физическое зрение здесь беспомощно, картинка подается прямо в зрительный отдел мозга через вживленный провод. Ходили слухи, что у наиболее

рьяных адептов Оракула контактное оптоволокно нитками опутывало весь мозг и даже тело. Такие сутками могли не вылезать из Сети, подпитываясь оттуда энергией.

Лепестки энергии были похожи на червей-ленточников, отчаянно пытавшихся вылезти из герметичного аквариума. Подобно поверхности водоема, сфера подергивалась рябью и медленно увеличивалась. Количество светящихся червячков неуклонно росло, и вскоре они заполнили собой все внутренне пространство. Перестав шевелиться, они набухли, покраснели и растворились друг в друге. Сфера стала похожа на каплю крови, зависшую в пространстве. Ее поверхность уплотнилась, посветлела и стала белой, как белеет яичница на сковородке. В центре сферы возникло отверстие, и от него потянулись радиальные полоски; отверстие увеличилось. Сфера стала стремительно приближаться к Марку. Или это он падал в нее. По краям отверстия образовался воротник синего цвета с переливающимися поперечными линиями. Марк пригляделся и понял, что несется на гигантский глаз, прямо в черноту зрачка, который в эту же секунду поглотил его.

Затем Марк оказался внутри глаза, пространство которого было удручающе полым. От внутренней поверхности этого пространства к центру тянулись похожие на иглы выросты. Выросты сонно покачивались, словно водоросли. В центре зависло ослепительно сверкавшее равнодушным неоновым светом ядро.

ВХОД В СИСТЕМУ, завибрировало ядро. Марк будто почувствовал слова кожей.

ГОСТЕВОЙ МИНИСТЕРСКИЙ ДОСТУП.

ВХОД РАЗРЕШЕН.

Ядро засветилось ярко-желтым пламенем. Марк впервые обратил внимание на то, что обладает в этом киберпространстве подобием тела, у него есть голова, руки, тело и ноги. Тело было полупрозрачным, как у медузы, оно зависло в пространстве и мерно покачивалось. Кости оплетены нервами и кровеносными сосудами. В груди слева мерно пульсирует шерстяной комок.

Марк посмотрел на ядро и увидел, что оно померкло — так что можно разглядеть его резонирующую поверхность. Вдруг Марк понял, что ядро живое.

ЗАГРУЗКА. Ядро вибрировало, как визуализатор ритма на музыкальном плеере. В этот момент от него к отросткам пробежала энергия, и те стали втягиваться. По ее поверхности пронеслись волны, она стала гладкой и разбилась на сеточки пикселей. Возникли бегущие в разные стороны строчки слов, букв, символов, непонятные значки, двоичный код. Затем все это

стало образовывать фигуры людей, зданий, какие-то картины, которые постепенно, словно плод мякотью, наливались краской и приобретали объем. Марк понял, что это визионные нарезки. Узнал лицо диктора. Кадры из сериала прошлого сезона. Картинки хаотично прыгали по поверхности сферы, а Марк растерянно водил своей студенистой головой по сторонам, боясь пропустить что-нибудь важное.

Маленькое солнце превратилось в голову, а затем на ней проступили очертания безволосого лица.

— Здравствуй, гражданин 3-ей категории Марк Свенссон. Оракул приветствует тебя.

— Ты? — Марк захлебнулся от собственного квакающего голоса. Голову разрывало на части, внутри словно звенел колокол.

— Не так громко. Ты привыкнешь, со временем. Ты знаешь, почему Министерство направило тебя ко мне?

Марк молчал — боялся говорить.

Слепые глаза моргнули, и из основания головы высунулись нити. Голова выстреливала фразы, одну за другой.

— Мир никогда не будет прежним. Человек никогда не будет одиноким. Человек отныне счастлив. Человек стал частью одной большой общей семьи, которая заботится о нем. Пойми это. Прими это. В одиночку человек погибнет.

Мне нужно ввести тебя в курс дела. Как и всякая открытая система, я контактирую со своими собратьями, обмениваюсь с ним информацией, энергией и ресурсами. Возможно, вирус попал ко мне по одному из внешних каналов. Возможно мутировала внутренняя клетка. Это случается: клетка становится самодостаточной и начинает заражать соседние. Моя защитная система достаточно хорошо функционирует, но почему произошел сбой, я не могу понять. Инфекция возникла внутри меня одновременно в нескольких местах. Сначала я решил, что это обычное сезонное колебание общественного мнения. Я усилил контроль, повысил уровень идеологической обработки и инфицированные клетки превратились в нормальные. Затем очаги вспыхнули в новых местах и вдвое больше. Мне с трудом удалось подавить приступ. Я провел анализ и понял, что всему виной видовой фактор. Я изолировал клетки разных типов друг от друга. Наиболее подверженные заражению поместил в карантин и проводил проверки. Это помогло, но ненадолго. Я понял, что эти клетки используются всего лишь как средство, что их направляет нечто другое. Я организовал поиск. Я планомерно прочесывал сегменты своего тела, ничто не должно было ускользнуть от моего внимания. У меня не было ориентира. Я

успел отсканировать всего лишь 32 процента организма. Оказалось слишком поздно. Я заражен так называемым Сопротивлением. И ты должен помочь мне. От этого зависит и твоя жизнь, ведь ты являешься частью меня, а я — это отчасти ты. Если я погибну, все люди города лишатся разума.

Если для тебя первостепенное значение имеет личный статус, я сделаю тебя главным в узле нервных окончаний. Ты будешь мэром города. Или председателем суда. Ты будешь моим координатором. У тебя будет все, что ты пожелаешь, и ты прекрасно знаешь, что я выполню это, ведь я не человек. Я — метачеловек, сознание граждан, квинтэссенция их разумов. Ты — это я. Каждое твое движение, каждый твой поступок, мысль или желание на самом деле являются моими. Тебя нет, есть я. Смирись.

Пока Оракул произносил все это, нити окружили Марка и коснулись его рук и ног. Марк поджал конечности, но нити настойчиво потянулись за ними.

— А хочешь, я целиком загружу тебя в свою базу данных? Тебе понравится. Неограниченные возможности. Превратишься в кого угодно, создашь свой собственный мир, которым будешь править. Станешь одним из верховных богов города, и люди будут обращаться к тебе за советом, а ты будешь вкушать их фантазии и коллекционировать. Знаешь, чем Первые занимаются в своих корпорациях? Они приносят богам корпораций жертвы, они устраивают кровавые ристалища, скидывают уборщиков с крыш, читают псалмы на языках программирования, лепят из копировальной бумаги идолов. Довольно примитивные создания, подверженные безудержному гедонизму. Дай мне доступ в свой разум, прошу тебя…

— Я ничего не знаю! Мне просто нужна хорошая работа, чтобы прокормиться. Иначе мы с голоду помрем… — сказал он и тут же прикусил язык.

— Мы? — голова вздернула бугры бровей. — Защитный бот… кто твой хозяин?!

— Я один!

— Кто?! — голова вскипела пламенными протуберанцами.

— Нет!

Нити крепко спеленали его тело. Голова открыла рот, и из него метнулся язык, похожий на плеть. Язык устремился к Марку, на его кончике выступила игла, готовая вонзиться в его цифровую плоть.

— Нарушение поправки 21! Преступление! — заорал Марк во весь голос так, что крик превратился в ультразвуковое колебание. Особой надежды на это мимолетное озарение он не испытывал.

Но почему-то удара не последовало. Марк открыл зажмуренные глаза и увидел в паре сантиметров от себя каменеющее жало.

С Оракулом творилось что-то странное. Его дергал тик. Мимические мышцы танцевали причудливый танец на этом лишенном всякого чувства мраморном лике будущего, которое уже наступило. Нити каменели и рассыпались в прах. Внутренняя поверхность сферы замигала, изображения смешались, слились в одно месиво, в белый шум.

— Отключение! — по какому-то наитию произнес Марк.

Его понесло прочь из сферы.

Лик Оракула искажался все сильнее.

— Не-е-ет!!! — ревел он. — Перезагрузка! Запустить антивирус! Отмена приложжжжж…

Сфера рассыпалась на куски. Пространство втянулось в одну точку и вытолкнуло Марка куда-то за пределы этого мира.

Марк очнулся на полу. На столе валялось бездыханное щупальце, клешни безжизненно обвисли. Освещение не работало. Марк пошевелил рукой и понял, что свободен. Тогда он, не теряя ни секунды, вскочил на ноги, отодрал от затылка проклятый кабель и огляделся. Он поспешно схватил мешок со своими вещами и выглянул через щель приоткрытой двери. Коридор также был темным, где-то за поворотами слышались крики и выстрелы. Звуки приближались. Марк наспех оделся, рассовал уцелевшие вещи по карманам. Поразительно — пистолет остался при нем, но без обоймы. А вот ботинки исчезли.

Пришлось красться вдоль стены босиком. Марк решил, что будет блефовать незаряженным оружием и, может быть, выиграет секунды. Он следовал за указателями к выходу и вскоре решил, что путь выбран неверно, когда натолкнулся на первый труп. Это был Ник, чистая благородная кровь которого теперь образовала широкую лужу по всему проходу. Бронежилет копа был изрешечен в мелкую сеточку. Всего лишь бездыханный кусок плоти. Тут Марк впервые задумался над тем, что же собственно, происходит, и как долго он находился в Кибернете, мило беседуя с Оракулом за жизнь. Очевидно, происходило что-то неслыханное. Он обыскал труп, взял генный паспорт, бумажник, дубинку. Теперь, с дубинкой и пистолетом он чувствовал себя немного уверенней. Внезапно, совсем близко, за стенкой раздался удар вышибаемой двери и возгласы. «За Свободу!» «За Королеву!» И длинная автоматная очередь.

Пора было спасать свою шкуру. Марк побежал дальше, пригляделся, увидел дверь пожарного выхода с характерной оранжевой табличкой. Впереди ворочались тени от силуэтов. Лучи фонариков нервно ощупывали стерильные потемки

Министерства. Ему повезло, что повстанцы двигались медленно, а босые ступни не создавали никакого шума. Марк черной тенью проскользнул за дверь и понесся вниз по пролетам, перепрыгивая через ступеньки. Из подземного гаража он ушел незамеченным: члены Сопротивления слишком азартно допрашивали уцелевших бойцов МИБ, чтобы заметить сутулого негра в обносках, прыгающего от одной машины к другой.

Марк сел в метро, расплатившись кредитками полицейского. На каждой станции прохаживались люди в знакомых робах. Глаза этих людей сияли торжеством, они явно ждали чего-то. Марк думал об одном. Не смотря по сторонам, он бежал через улицы, распихивал уличную толпу, срезал углы пустырями. Он несся к 9 кварталу, к общаге, обсиженной воронами с соседней свалки. Прохожие в панике шарахались от него, две женщины завизжали, один супермен в замшевом плаще попытался ухватить за ворот:

— Стой, ублюдок!

Марк развернулся, вырвался и со злостью отправил мужика в распахнутую дверь бакалейного магазина, где тот лбом протаранил другого тучного мужчину. Модная шляпа слетела с его головы и приземлилась аккурат на крышку канализационного люка, но у Марка не было времени следить за всем этим, потому что он уже бежал в паре кварталов впереди, а люди самозабвенно орали «Вор! Задержите его!».

И вот он перед дверью, минуту шарит по карманам в поисках ключа-карты, находит, вставляет не тем концом, ключ выпадает из дрожащих пальцев, он поднимает ключ, вставляет его, вводит код — неправильно, отбой, вводит заново, на этот раз дверь открывается, он, затаив дыхание, просачивается в квартиру, в свое убежище, в свою крепость, где его не посмеет тронуть никто, тщательно запирает дверь, плюс еще для верности подпирает ее табуретом. Безуспешно пытается перевести дух в прихожей.

Тишина. Марк медленно идет по коридору, первая дверь — кухонька, вторая — спальня, третья — комната Вики, которая стоит в центре комнаты и спокойно смотрит на него так, словно ожидала увидеть именно сейчас. Словно знала, что он придет именно сейчас. Цела. Марк решается дышать. Как же все-таки она прекрасна. По-детски нескладная, но в движениях уже чувствуется грация, которая будет сводить парней с ума. И затаенная сила.

— Привет, — говорит она.

— Привет.

Марк вспомнил про одно очень важное мероприятие.

— Это тебе, — сказал он, вытащил из-за пазухи помятую коробку и неуклюже протянул девочке подарок.

Вика шевельнулась, подпрыгнула к нему, взяла куклу в руки. Долго смотрела на нее, водя пальчиком по коробке.

— Ой, спасибо, — сказала она и покраснела. — Ты чего это?

Марк смутился, пробурчал что-то невразумительное и сел на край кресла. Чертовки хотелось пить. Одежда насквозь пропиталось едким потом.

— Такая классная, — сказала Вика. — Прям, какую я хотела.

— Я старался.

Повисла неловкая тишина. Марк высвободился из объятий куртки, умылся и пошел вскипятить воду для чая. Потом они сидели в гостиной, Вика прихлебывала кипяток, хрустя оставшимися крекерами, а Марк думал, что едой так и не разжился. Придется идти второй раз.

— Знаешь, почему я потеряла родителей? — внезапно спросила Вика.

Марк удивился:

— Но ведь вы попали в аварию. Так случилось.

— А знаешь ли ты, почему так случилось? — она внимательно разглядывала его.

Марк сначала не понял. Потом похолодел. Отставил чашку. Ему совершенно не хотелось это знать.

— Они плохо выполняли свои функции, — сказала Вика, — Я просто перестала заряжать их. Разлюбила. Они отключились, но в самый неподходящий момент — когда мы ехали по шоссе. Я рассчитывала, что они отключатся, когда мы приедем, но видимо, ошиблась. Но это ничего, ты же спас меня. Мой Марк!

Девочка потянулась к нему, запрыгнула на колени и обняла. Ее личико сияло от счастья.

— Да ладно тебе, — сказал Марк, чувствуя себя самым счастливым и несчастным человеком на свете и дрожа от смеха, потому что Вика щекотала ему волосами шею. — Слушай, мне кажется, что нам нельзя здесь оставаться. Это опасно. Понимаешь, я попал в одну переделку… — начал было Марк, стараясь в общих чертах донести до девочки суть дела.

— Давай только я тебе покажу последние штрихи? А то будет обидно, если ты это не увидишь. — Вика потянула его в свою комнату, волоком подтащила к компьютеру, ткнула пальцем в экран и сказала, — Смотри.

Обескураженный подобным поведением, Марк стал вглядываться в фигурки людей и строения. Вооруженные фигурки, помеченные зеленым маркером, куда-то бежали, стреляя на ходу. Другие, синие, вели по ним огонь. Пункты жизни и тех, и других уменьшались, «юниты» падали и исчезали. Среди них выделялись три покрупнее и окруженные дополнительной

расцветкой. Под каждой имелось имя. Вика шевельнула манипулятором и перенесла экран на другой участок карты. Под белобрысым человечком, вышедшим из-за нижнего края экрана, горело «Эл». Человечек резво отдавал приказы, продвигаясь к главному городскому генератору вместе с диверсионным отрядом.

— Тот, что с именем, это герой. Сейчас идет финальная операция, — пояснила Вика. — Мои войска продвигаются к штабу противника. Потери значительные, но противник отдает важные ключевые точки: госпиталь, военную часть, полицейское управление, Министерство. Сейчас мой офицер должен подорвать генераторы, чтобы лишить врага энергии.

Офицер Эл остановился в условленном месте, отряд окружил его и минера по периметру. Затем минер стал устанавливать бомбу. В этот момент со стороны правого верхнего угла появилось два отряда, помеченные черно-синим. Отряды открыли огонь.

— Элитные дивизии ботов! — Вика пару раз щелкнула манипулятором, вооружив отряд ракетницами и гранатами. — Долго им не продержаться.

Боты вели ураганный огонь по отряду Эла, который таял с каждой секундой, несмотря на ответные залпы. Тут минер завершил работу, и красная иконка замигала, извещая о готовности произвести взрыв.

— Отлично! Что ж, прощай Эл… — Вика щелкнула по иконке, и экран затянуло пленкой от взрыва. «Юниты» мгновенно испарились.

Марк оторопело смотрел то на экран, то на Вику. Девочка сосредоточенно отдавала приказы солдатам, ставила цели для атак и определяла направления ударов флажками.

— А как называется твоя армия?

— Сопротивление.

— Этот человек говорил со мной. Этот блондин.

— Я знаю. Привет хоть передал?

— Пе… Передал…

Девочка удовлетворенно кивнула.

— Ясно… Пойду вещи соберу, — пробормотал Марк, испытывая нечто среднее между истерикой и оцепенением.

— Ага, я сейчас, — сказала Вика, — Игра онлайновая, поэтому я дам последние приказы героям. Хотя исход уже ясен.

Они вышли из дома ближе к обеду. Город необратимо изменился за это утро. Повсюду виднелись следы разрушения. ОКО-17 исчезло. Бледно-голубое небо казалось старательно кем-то выскобленным. Из-за домов в двух местах вился дым. Снег,

припорошивший ночью город, превращал улицы в несуразные декорации к фильму про войну. Кое-где лежали тела. Прохожие передвигались перебежками. В зоне для Вторых граждан, ближе к центру трещало оружие и хлопали взрывы.

— Ну и дела… — присвистнул он, довольный тем, что захватил запасную обойму.

— Не думай, будто мне не было грустно, — серьезно заявила Вика, не обращая ни малейшего внимания на происходящее.

— Ты о чем?

— Хватит придуриваться, — она внимательно заглядывала к нему в глаза. — Я о родителях своих. О маме с папой. Они вырастили меня, дали мне все, что могли. Но, когда Оракул Лонг-тауна обнаружил меня в своей базе, стало опасно. Мама и папа даже хотели сдать меня в приют. Ах, они не были готовы к такому повороту событий, и мне пришлось их уговорить. Что-то уходит, что-то приходит. Наш мир постоянно меняется, тут уж ничего не поделаешь… Это была хорошая игра, жалко, она подходит к концу. И Оракул этого города чуть не одержал верх. Но в нужный момент моя пешка нанесла свой смертельный удар. Он еще не понял, что лишен последнего хода, что я объявила ему шах и мат. Иногда достаточно одной пешки, чтобы изменить равновесие сил в свою пользу. Он так и не нашел меня, бедный Оракул. И будет искать до последнего, такова уж его природа. Ты ведь не дашь меня в обиду, мой Марк, правда?

— Правда, — бесцветно произнес он, догадываясь, что будет дальше. Девочка смотрела на него и ласково отдавала приказ, — Нам нужна машина. И мне еще надо сделать один звонок. Пожалуйста. Мне действительно надо.

Они прошли вверх по улице, нашли относительно целый седан, Марк, вспомнив старое ремесло, без особого труда вскрыл его. Машину он повел на север, а затем на запад, в обход зоны резерваций. Пару раз их пытались остановить, но он ухитрялся прорваться. Правда, лобовое стекло после таких встреч покрылось сеткой трещин и в нем появилось несколько дырок. На улицах царила анархия. Мародеры грабили супермаркеты. Остатки полиции спасались в бронетранспортерах, которые со всех сторон забрасывали бутылками с зажигательной смесью. Несколько вооруженных до зубов отрядов Сопротивления пробежало в обратную сторону, к центру города. Пролетели истребители. Пули свистели безостановочно. Когда жилые кварталы кончились, и началась пригородная зона, Марк выбрал место побезлюднее, припарковал машину и сказал Вике ждать, пока он отойдет «вон к той будке» и позвонит.

— Алло? Джо, это ты?

— Кто это? Марк?

— Да! Послушай….

— Марк, похоже, наши власти попали в глубокую задницу! А что творится с Сетью! Ее просто рвет на части! Полетело больше половины серверов! Какой-то разрушительный вирус разносит систему до основания…

— Заткнись и слушай! — сказал Марк, поглядывая на машину и на девочку, взгляд которой ощущал на себе почти физически, — Уматывай из Ап-тауна, немедленно! Это мой тебе совет.

— Но…

— Просто делай, как я тебе говорю. Пока еще есть шанс… я кое-что понял, Джо. Шах и мат.

Секунду на другом конце провода молчали.

— Причем тут детская стратегия?! — заорал в недоумении Джо.

— Найдешь меня по биопаспорту. — отрубил Марк и повесил вопящую трубку на рычаг.

Пока он шел к машине, возникла бредовая мысль. Что если они, все они, жители этого города — порождение Оракула? Программы, впаянные в человеческие тела. В Сеть уходил человек, а вместо него приходила программа, которая уже была частью личности Оракула. Марк поспешно отогнал ее, потому что сейчас отвлекаться нельзя. В пригородах еще имеется возможность напороться на патруль, и ему придется вести седан пару часов, прежде чем шпили города скроются за холмами, а Оракул перестанет смотреть на них. И тогда они, возможно, столкнутся с новой угрозой. Но все это казалось таким пустяком; люди, которые не были людьми, игра, которая обернулась жизнью, что может быть важнее и ценнее любви, волшебного чувства, когда знаешь, что кому-то нужен, и тебя любят, и можешь дарить и получать тепло, ласку и заботу? Не важно, что любовь — по приказу…. Важно, что она есть. Пусть странная. Да хоть какая.

Марк выжал сцепление и прибавил скорость. Около часа ехали в полном молчании.

— Вика. Я давно хотел тебя спросить об одной вещи. — Марк вспотел от напряжения.

— Да?

— Когда ты поняла, что отличаешься от других?

— Я знала это с самого рождения, — убежденно произнесла Вика, поправляя шляпку на игрушке. — Почему ты спрашиваешь?

— Ты знаешь, почему.

Вика молчала, разглядывая унылый пейзаж, проплывающие мимо заброшенные дома, обитатели которых давно переселились

за периметр Ап-тауна.

— Когда-нибудь я состарюсь и умру, — ляпнул Марк. — Наверно, это ужасно — старость.

Вика все так же молчаливо смотрела в окно.

— Вика. У меня возникает странное чувство. Раньше я боялся тебе об этом говорить. — Марк старательно вертел руль, — Сейчас уже не боюсь. Пойми, я готов отдать за тебя жизнь. Если хоть кто-то пальцем тебя тронет, я его на лоскуты порву. Ярость придает мне силы, а злость уверенности. Но когда все хорошо, когда все нормально и опасности нет, я чувствую усталость. Как будто силы утекают из меня, как из дырявого ведра. Капля за каплей, очень медленно, но утекают. Мне не хочется абсолютно ничего, ничего, что хотелось бы нормальному человеку. То, что ты мне сказала в городе, очень насторожило меня и теперь я собираюсь задать тебе вопрос. Он связан с твоими родителями…

— Кукла Марта хочет в туалет, — заявила Вика. — Остановись.

Начинается, подумал Марк, сворачивая к обочине. Однако девочка не торопилась вылезать. Очень медленно повернула она лицо к своему опекуну.

— Знаешь, что мне в тебе нравится?

Марк помотал головой. Крупные капли пота блестели на его лбу, а руки повисли на баранке. Он глубоко дышал.

— Твои глаза. Не переживай. Ты превосходно все сделал. Ты удивлен, это хорошо. Значит, определенный шанс есть.

— Какой шанс?

— Стать настоящим человеком. Таким, как я.

— Я не… я не совсем понимаю…. — Марк смотрел на свои руки.

— Слушай внимательно. Все, о чем говорил тебе Оракул, что бы он ни говорил — правда. Потому что машина не умеет лгать. Все, кто живет в Ап-тауне и в других городах, уже не самостоятельные личности. Это ходячие клетки одного большого организма, который ознаменовал собой новый виток в эволюции. Так называемые Оракулы и Молох — это новая ступень разумной материи, которая пришла на смену человеку. Отдельная личность осталась в прошлом, люди объединяются в общности. Самая обычная замкнутость или неразговорчивость отныне считается болезнью, а тот, кто живет замкнуто, подлежит психологической обработке. Нуждается в медицинской помощи, потому что ему надлежит быть счастливым. — Вика фыркнула, — Ты видел смерть, видел, как людей убивают на улицах. Это не самое большое зло, Марк, поверь мне. Есть вещи и похуже, с некоторыми из них ты уже познакомился в Министерстве.

Большей жестокости, чем принудительное счастье, я не встречала. «Адаптирование» в обмен на всяческие блага. Биопаспорт как возможность просто ходить по этой земле. Фальшь! Иллюзия! Самообман. Это настолько незаметно, что стало нормой. Ты выходишь на улицу и видишь вереницы прохожих, внешне похожих на людей. На самом деле, это безвольные, бездушные существа. Рабы города, жалкие подобия прежнего гордого человека, которые мечтают только о том, чтобы прожить новый день. Им уже ничего не нужно от жизни кроме самой жизни. Лишь бы сожрать капсулу Счастья и не думать ни о чем. Когда ты последний раз ходил в театр? В музей? Ты видел картину, написанную маслом, Марк? Хотя бы одну? Тебе кажется, что это неправильно, но такое происходит со всеми. Многое изменилось за последние годы. Наступила новая эра. И ты либо становишься частью общей системы, шестеренкой в этом механизме, либо подлежишь коррекции. Отныне независимый человек стал реликтом. Твари типа Молоха будут охотиться за уникумами вроде меня, и уничтожать их. Будни естественного отбора. Это так страшно… быть зрячим в мире слепых. Быть нормальным, когда тебя окружают одни психи, утонувшие в море виртуальных грез.

Марк посмотрел на Вику. Девочка сидела очень прямо и чуть наклонила голову. Ее щеки были влажными от слез.

— Да, именно так. Я не одна. Нас много, достаточно много, чтобы объединиться. Мы чувствуем друг друга, но постоянно кто-то погибает. Города сжирают нас, а новые индиго появляются все реже. И приходится действовать на опережение. Когда информационные системы захватили власть, и возникло прямая угроза нашему существованию, природа запустила кое-какие резервные процессы внутри нас. Чтобы мы смогли выжить как вид.

Она шмыгнула носом.

— Как ты умудрилась контролировать повстанцев?

— Так же, как и Оракул ненавязчиво контролировал всех вас. Через нейроволокно. Есть ряд хакерских приемов. Вместе с моими неординарными способностями они работали безотказно. Эти повстанцы глубоко верили в то, что делают.

— То же самое было со мной?

— Нет. Ты действовал самостоятельно. В этом и заключалось твое преимущество.

— Так значит, все это было…. - медленно проговаривал слова Марк, — не настоящее. Я сам себя обманул….

— Это еще мягко сказано. Прости. — Вика закусила губу.

У Марка возникло такое ощущение, будто по нему проехался

грузовик. Отчаянно болела голова. Мир как-то сразу посерел. Тишина была просто оглушительной.

— Когда я был маленьким, мы жили рядом с мостом, по которому очень часто ходили товарные поезда. И я все время проводил на улице. Мать и отец работали, не разгибая спины. А я шлялся по закоулкам, вместе с другими ребятами. Мы жгли резиновые покрышки. Колотили пацанов из соседнего района. Воровали. Весело было, — усмехнулся он. — Помню наш квартал, в мельчайших подробностях. Семейство Тэкеров, их вечно пьяного папашу, который швырял в нас газетой каждый раз, как видел. Помню, мы решили положить что-нибудь на рельсы, когда через мост поедет очередной поезд. Хотели проверить, сойдет ли он с рельс. Я приготовил здоровенный булыжник…

— Ну и как? Сошел?

— Нет, — Марк улыбнулся прошлому, — Зато булыжник разлетелся на осколки, как шрапнель, и поранил меня в ногу. По странной случайности я запомнил номер того состава. И знаешь что? В новостях через день передавали, что такой-то поезд столкнулся с автобусом, и съехал с насыпи. Это был тот самый состав. Все сходилось, и маршрут, и номер. Я тогда подумал, что если бы не моя выходка, аварии бы не произошло…

Девочка взяла Марка за руку и легонько сжала.

— А потом нас, по распоряжению администрации города, переселили в колонию, — глухо добавил он. — Разместили на фермах. Как скотину.

Время шло, ветер лениво теребил дорожный мусор.

— Ты должен меня оставить, — вкрадчиво произнесла Вика. — Я позабочусь о себе. Все будет хорошо.

Марк вытащил пистолет. С мольбой посмотрел на Вику.

— Не надо, — чуть насмешливо сказала девочка. — Ты был подключен, а я не могу рисковать. Надеюсь, ты понимаешь.

Вдруг, где-то позади громыхнуло, да так, что дрогнула земля. Они вылезли из автомобиля.

— Game over! — засмеялась девочка. — Иди.

Секунду Марк смотрел на нее. И пошел, не оглядываясь. Воздух был чистым, дышалось легко. Солнце светило ярко, по-праздничному. А он шел туда, где в долине распластался Ап-таун, вниз по склону холма, по извилистому загородному шоссе, и одна мысль будоражила его разум. Правило из игры. Правило гласило: «Пешка, дошедшая до конца доски, подлежит обмену на любую фигуру».

Отличная была партия.

Оракул бредил. Ему казалось, что его клетки — люди,

восстали против него. Что они хотят его аннигилировать. Отказываются повиноваться. Уничтожают антитела — ботов. Захватывают мозг и постепенно, нейрон за нейроном сжигают его. А всему виной какой-то застарелый вирус под названием ВИК-2051, выведенный в порядке эксперимента при помощи биотехнологий одним из его собратьев. Оракул произвел необходимые вычисления и понял, что не может предотвратить прохождение критической точки, что инкубационный период пропущен, а обычный недуг мутировал в смертельный штамм. Ресурсов его собственного организма не хватало. Обращение за помощью к Молоху чревато заражением. Каналы Кибернет он перекрыл заблаговременно, еще сутки назад. Резервную информацию скопировал в буфер. Дал сигнал опасности по примитивным каналам. Пусть остальные примут его к сведению и как-то обезопасят себя. Хотя бы проверкой. Полностью адаптированные клетки, которые сейчас отключились, медленно умирали из-за отсутствия питания. Транспортные артерии забивались. Переработка мусора прекратилась.

В какой-то момент Оракула посетило совсем уж сумасшедшее видение — словно когда-то его не было, и все клетки разрозненно существовали до него, и однажды создали. И что сам он вообще не существует. Впрочем, это последнее умозаключение было наиболее близко к истине.

Оракул задыхался от недостатка информации. Энергия постепенно уходила из его плоти и рассеивалась в пространстве, а новой не поступало. Все больше и больше клеток отмирало или выходило из-под контроля. Хаос разрушения сжирал внутреннюю гармонию его существа. Волна инфицированных фагов подкатывала к мозгу, попутно заражая нейтральные клетки. Уцелевших ботов хватит на считанные минуты. Тогда в последней, отчаянной попытке уже не столько восстановить контроль, сколько уничтожить заразу, он дал команду произвести антибиотический удар.

С крыш трех небоскребов в центре Ап-тауна стартовали ракеты с химическими реагентами среднего радиуса поражения. Ракеты поднялись на высоту в десять километров, аккуратно развернулись и устремились обратно.